

Отзыв официального оппонента  
на диссертацию Дмитриенко Ольги Александровны  
«Поэтика русскоязычной прозы В.В. Набокова: репрезентация  
религиозно-философских и религиозно-мистических идей»,  
представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук  
по специальности 10.01.01 – «Русская литература».

В.В. Набоков является одним из самых исследованных и неисследованных русских писателей одновременно. Количество посвященных его творчеству работ исчисляется давно тысячами, - и в то же время число загадок, неразрешенных вопросов и проблем практически не уменьшается. Соискатель докторской степени, выбравший в качестве материала диссертации творчество В. Набокова, с самого начала должен продемонстрировать масштабную эрудицию как при формулировке темы, так и при ее раскрытии в работе.

В том, что касается формулировки темы, представляется, что О.А.Дмитриенко удалось найти как раз тот угол зрения для выбора надлежащего языка описания материала. Известны многочисленные работы, посвященные мистике у Набокова (в том числе – в контексте введенного термина «мистический реализм»), затрагивающие набоковскую мифопоэтику и ее основы, рассматривающие влияние на Набокова разного рода оккультных и религиозно-философских учений. Однако до появления диссертации О.А. Дмитриенко не было еще исследования, которое бы собрало воедино все эти аспекты, превратив разрозненные наблюдения в цельную картину мира Набокова и создав фактически новый взгляд на его русские романы, которого ранее не существовало. Принципиально новый подход к материалу, который дает не просто существенное информационное приращение при прочтении анализируемых текстов, но открывает новое



видение творчества писателя, - это как раз то, что требуется от докторской диссертации и то, что делает исследование важным событием в современной филологической жизни.

В центре работы находится мифопоэтическая модель Набокова, которая, как доказывает автор, обращена к архаическому мифу и к ритуально-обрядовым формам. Автор диссертации подробно анализирует мифопоэтическую основу набоковского универсума, полагая ее репрезентантом опыта религиозно-мистических переживаний экстатически переходных состояний любви, творчества и смерти как рефлектируемого потенциального состояния.

Диссертант начинает с анализа рассказов В. Набокова 1920-х – 1930-х годов – демонстрируя их библейско-новозаветные и славянские мифологические корни. Этот анализ, как и последующий разбор «Машеньки» с точки зрения фольклорно-мифологических мотивов не вызывает возражений. Автор здесь (как, впрочем, и на всем протяжении диссертации) демонстрирует обширную эрудицию – как в сфере мифологических источников, так и в том, что касается исследований в этой области. Завершается первая глава красивой и доказательной интерпретацией мифа о небесных нимфах и облачных женах в рассказе «Весна в Фиальте», причем мифопоэтический анализ, как это и положено, в полной мере подкрепляется анализом лингвистическим; особенно хочется выделить исследование ассоциативно-игрового ареала имени «Нина» в этом рассказе. На границе лингвистики и мифологии лежит разбор судьбы Мартына в «Подвиге», при этом все, что касается русских мифологических корней, восходящих к «Голубиной книге», представляется важным и очень существенным для углубления понимания пути главного героя.

Глава 2 посвящена энтомологической теме у Набокова и образу героя-энтомолога. Сложно представить себе более тяжелую задачу, чем нахождение новой линии в исследовании этого аспекта его произведений. Однако при анализе романа «Дар» О.А. Дмитриенко удастся выявить



реализацию энтомологической темы в религиозном аспекте – это идея энтомологии как вероисповедания – отсюда и особая роль героя-энтомолога. При этом анализ, опираясь на концепцию С. Давыдова о набоковских «текстах-матрешках», развивается также на уровне нарративной структуры.

Особенно хочется отметить доскональный анализ интермедиальных связей у Набокова, проведенный диссертантом в 3-й главе. Автор не только проводит полноценный анализ теоретического осмысления понятия «экфрасис» в российской и мировой науке, не только корректирует его, внося, безусловно, свой вклад в теорию литературы, но и, пожалуй, впервые подробно проводит последовательное изучение его функций в текстах Набокова. Экфрасис как аллюзийный механизм, экфрасис с имплицитным референтом, экфрасис как средство характеристики персонажа, – вот только несколько взятых весьма наугад интереснейших научных минисюжетов этой главы. А дальше – исследование поэтики визуального реализуется диссертантом на примере пейзажа в русскоязычной прозе Набокова, при этом нельзя не согласиться с тем, что визуальное в эстетике Набокова действительно связано с метафизикой. Следует сделать вывод, что О.А. Дмитриенко удастся существенно уточнить анализ, проведенный В. Александровым в его известной книге «Набоков и потусторонность». Ей удастся ответить на главный вопрос – каким образом пейзаж обретает «сакральное измерение» и становится иерофанией, то есть получает возможность являть сакральное. И здесь контекст, на который проецируется исследование, становится особенно широким: от эмоциональных пейзажей древней китайской живописи до «музыкальных пейзажей» С. Эйзенштейна.

В создаваемой автором диссертации таксономии набоковских пейзажей (одновременно с выявлением их связи с философским, мистическим и метафизическим началами) хотелось бы подчеркнуть развитие «энтомологической» темы второй главы: автор вводит понятие «энтомологически насыщенного пейзажа», указывая на его



импрессионистическую изысканность и натуралистическую зоркость. Действительно, в этих пейзажах практически отсутствуют интертекстуальные связи: аллюзии, ассоциации, скрытые и явные цитаты, - это некий аналог Рая, где царят постоянная гармония и неизменное наслаждение, вечное лето. Что же касается интертекстуальных и интермедиальных связей, то их более чем хватает в главке, посвященной «Приглашению на казнь». Единственное, на что хотелось бы обратить внимание – это на отсутствующую в библиографии работу: А.А. Долинин. Искусство палача: заметки к теме смертной казни у Набокова // Девятая международная летняя школа по русской литературе. Статьи и материалы. Цвелодубово Ленинградской области. 2013. С. 29-44 – в которой автор подробно описал литературно-театральный аспект интермедиальных связей – прежде всего, в романе «Приглашение на казнь». Конечно, эту работу, как и этот аспект набоковской интермедиальности, следовало бы учесть.

Что же касается гипотетических параллелей поэтики романа «Приглашение на казнь» с буддийскими каноническими трактатами, то при всей внутренней непротиворечивостью этих параллелей, они вызывают сомнение, о котором еще будет сказано далее. Тем не менее – ценность даже ассоциативных связей, установленных диссертантом, мне представляется весьма существенной.

Главным проблемой диссертации, как кажется, являются методологические неточности. Начнем, к примеру, с мифопоэтического анализа, который является в работе одним из основных. Вот какие издержки он несет с собой. На 92 с. автор пишет: «Набоков в определенной степени ориентирован на сюжетную модель мифов и волшебных сказок, где герой попадает «на тот свет», и странствие его также имеет определенный ритм потерь и приобретений». Далее следует цитата из Е.М. Мелетинского. Можно ли назвать это утверждение ошибкой? Думаю, конечно, нет. Другое дело, что можно не соглашаться с пониманием условного пространства воспоминаний как путешествие на «тот свет», поскольку последнее обычно



предполагает некое информационное приращение к компетенции персонажа, связанную с синхронным течением времени (так Одиссей, попадающий в Аид, узнает от тени своей матери, что делалось на Итаке с момента его отправки под Троию и до ее кончины – то есть то, чего он никак знать сам по себе не мог). Для Набокова и его персонажей (особенно в «Машеньке») воспоминание зачастую обращается в топос Рая, причем информационное приращение носит не количественный, а исключительно качественный характер.

Но дело совершенно и не в этом. В конце концов, и для этого есть мифопоэтический инвариант; достаточно было бы сослаться на индексы F.173 – F.173.1 по Томпсону – где запредельный мир представляется визионеру страной наслаждения и счастья.

Проблема в том, что в данном случае мифопоэтическая проекция, как думается, оказывается весьма общей и не раскрывает специфики поэтики Набокова, поскольку сюжетных фрагментов, на которые можно было бы спроецировать «путешествие персонажа на тот свет» в мировой литературе – огромное количество. Да и сам Набоков, постоянно играющий с читателем, то и дело предлагает ему лежащие на поверхности интерпретации, которые могут быть истинными, ложными – или истинными и ложными одновременно. И по этим путям охотно идут литературоведы – так, например, Максим Д. Шраер в известной работе о финале «Подвига» описывает экспедицию Мартына в Россию как сходжение в ад, вспоминая, в частности, саван, в котором пересек границу один из заговорщиков. Это – ход напрашивающийся, лежащий на поверхности, но, увы, он мало что открывает нам в романе и не делает однозначной интерпретацию его финала.

То же самое происходит с именем Машеньки, которое, замирая, шепчет Ганин. Автор диссертации совершенно справедливо указывает на то, что сам факт произнесения этого имени «обладает силой заклятья». Однако, это, конечно, не заговор. Это – пароль, это волшебное слово, ритуальное слово-действие, в своей перформативности помогающее персонажу преодолеть



границу между мирами, в данном случае – открывающее ему мир воспоминаний.

Серьезной проблемой видится уровень доказательности проекции произведений Набокова на восточные религиозно-философские системы при отсутствии каких бы то ни было точных историко-литературных или иных документальных сведений о серьезном изучении Набоковых этих систем. Насколько мне известно, подтверждения этому не найдены и в архиве Набокова. К сожалению, «доказательства», которые мы встречаем в диссертации, носят либо сугубо ассоциативный или типологический характер, либо сводятся к формулировкам «представляется, что Набоков изучал Упанишады» (с. 125). Главка 3.3.3 называется «Буддизм как один из *возможных* источников метафизики романа». Аналогичная логика и в автореферате: «Набоков.. вероятно был знаком с компаративистскими исследованиями... Писателю могли быть известны работы...» (с. 12 автореферата). Рассыпано все это и по диссертации: «В замечательной работе П. Робели «Литература путешествий» (1920), которую вполне мог знать Набоков...» (с. 209) и т.п. Полагаю, что такая логика доказательств не может быть признана до конца научной.

Стоит добавить, что одновременно в диссертации мы находим честное утверждение: «Невозможно определить, какой был круг чтения Набокова в 20-30-е годы» (с. 202).

Между тем, вот типичный пример:

"В отношениях отца и сына Годуновых-Чердынцевых прослеживается также ведическая традиция передачи божественного учения шрути (struti) - буквально, "услышанное", то есть - откровения, исходившего от брахмана или солнца, - от Учителя к ученику". (с.182).

Понятно же, что при желании почти любое отношение «отец – сын» или «учитель – ученик» можно подвести под эту схему. Таким образом, мы видим не «репрезентацию религиозно-философских идей в прозе Набокова»,



как заявлено в теме диссертации, а *использование этих идей для интерпретации его текстов.*

Да, конечно, указание на род Индриковых актуализирует семантику, связанную с Индриком в древнерусской мифологии – и тут анализ, предпринятый соискателем, не вызывает вопросов. Однако параллель с Индрой и – соответственно – «Ригведой» весьма натянута. Стоит также указать на то, что и вся тема Мартына-Индрика и «Голубиной книги» давно известна и подробно проанализирована в набоковедении, в частности, еще в давней (1977 года) статье Эдит Хейбер (приведена в библиографии) и др.

Вся главка, посвященная роману «Подвиг» также очень подробно демонстрирует глубокую погруженность В. Набокова в индуизм и буддизм, рассказывается о его возможном знакомстве с «Ригведой», «Дхаммападой», «Упанишадами» и т.п. В том числе и делается вывод о том, что финальная инициация героя «Подвига» осмысливается Набоковым в образах буддизма (с. 124). В качестве доказательства приводится параллель: «Мартын словно *растворился в воздухе*» - «*растворение* в верховном духе» (карточка с выпиской из статьи «Нирвана» Оксфордского словаря английского языка к роману «Лаура») (с. 124).

Но мало того, что «Лаура» (или точнее – «Лаура и ее оригинал») - это 1975 – 1977 годы и прибегать к материалам этого романа для обоснования того или иного прочтения «Подвига», написанного более чем за 40 лет до этого – вряд ли правильно. Хочется еще спросить: если Набоков был столь погружен в тонкости восточных религиозно-философских систем и их первоисточников, - зачем ему тогда в конце жизни потребовалось выписывать из довольно массового словаря значение слова «нирвана», являющегося базовым понятием для буддизма? Кстати – в одном из писем конца 30-х годов Набоков, если я не ошибаюсь, говорит о Бунине, что у него у него "за последние годы наметилась опасная склонность к «мудрости», к «Будде»".



Более мелкие замечания. Конечно, не все акмеисты называли себя «адамистами» (с. 153): это было замечено только за Гумилевым и Городецким. Понятие «медиум» действительно было культовым для Серебряного века (с. 224), однако не стоит след за Титаренко сводить его к теургии. Медиумами были вполне реальные люди, которые выполняли роль связующего звена между реальным и загробным миром в очень распространенных в культуре Серебряного века спиритических сеансах. Так, в роли медиума неоднократно пробовал себя В. Брюсов, при этом у него был и «личный медиум» - А. Ланг (Миропольский). Иногда медиумов специально приглашали из-за границы, как это было с известным поляком Яном Гузиком, устраивавшим сеансы в Москве.

Хочу заметить, что все высказанные замечания не носят принципиального характера и не снижают научной значимости докторской диссертации О.А. Дмитриенко, которая вносит существенный вклад в развитие современного литературоведения, а возможность применения теоретических и практических результатов, полученных диссертантом, не может вызывать сомнений. Автореферат и содержание 39 научных публикаций диссертанта, в том числе – 2-х монографий и 16-ти статей, опубликованных в изданиях, входящий в перечень рекомендованных ВАК рецензируемых научных журналов и изданий, отражают все основные положения диссертационного исследования.

Диссертационное исследование «Поэтика русскоязычной прозы В.В. Набокова: репрезентация религиозно-философских и религиозно-мистических идей» соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора филологических наук, установленным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (п.п.9 - 14), по своему содержанию соответствует паспорту научной специальности 10.01.01 – «Русская литература», а ее автор Дмитриенко Ольга Александровна заслуживает присуждения ученой степени



доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература».

Официальный оппонент

доктор филологических наук (10.01.01 – «Русская литература»),  
профессор, профессор кафедры русской литературы  
федерального государственного бюджетного образовательного  
учреждения «Российский государственный  
педагогический университет им. А.И. Герцена»

Кобринский Александр Аркадьевич

17 мая 2017 года

Почтовый адрес: Санкт-Петербург, 190107, Исаакиевская пл., д.6.

Тел. +79219985430.

e-mail: 444-44-4@list.ru

РГПУ им. А.И. Герцена

подпись *Кобринский Александр Аркадьевич*

удостоверяю «17» 05 2017 г.

Отдел персонала

управления кадров и социальной работы



Ведущий документовед  
бюро персонала

*В.В. Рубичкин*  
В.В. Рубичкин